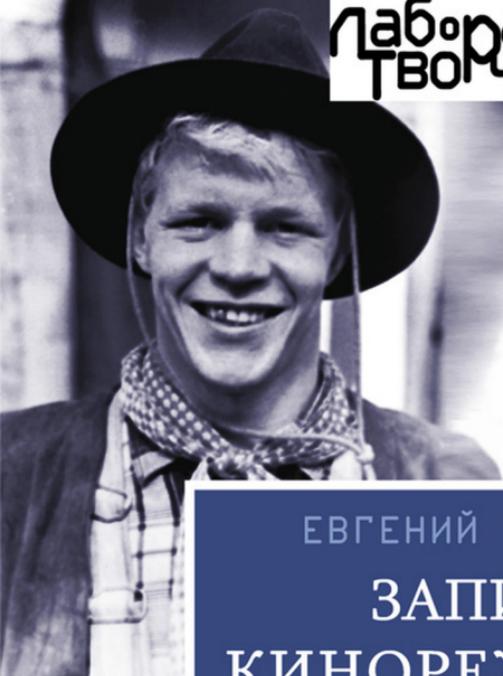

Лаборатория
Творчества

ЕВГЕНИЙ ТАТАРСКИЙ
ЗАПИСКИ
КИНОРЕЖИССЕРА
О МНОГИХ
И НЕМНОГО О СЕБЕ

bhv®

Лаборатория Творчества

ЕВГЕНИЙ ТАТАРСКИЙ

ЗАПИСКИ
КИНОРЕЖИССЕРА
О МНОГИХ
И НЕМНОГО О СЕБЕ

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)
Т23

Татарский Е. М.

Т23 Записки кинорежиссера о многих и немного о себе. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 224 с.: ил.

ISBN 978-5-9775-0766-0

Книга воспоминаний известного кинорежиссера, автора фильмов «Золотая мина», «Приключения принца Флоризеля», «Джек Восьмеркин — "американец"», «Тюремный романс» Евгения Марковича Татарского — это записки о тех, кого он знал, с кем работал, кого любил и кого — «не очень». Среди героев книги кинорежиссеры Владимир Венгеров, Иосиф Хейфиц, Александр Иванов; драматург Александр Володин; композиторы Исаак Шварц, Александр Журбин, Сергей Курехин; артисты Олег Даль, Любовь Полищук, Донатас Банионис, Марина Влади, Кирилл Лавров, Марина Неелова, Александр Абдулов, Константин Хабенский... Книгу иллюстрируют уникальные фотографии из архива автора.

Для широкого круга читателей

УДК 791.43/45
ББК 85.373(2)

Подписано в печать 28.10.11.

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 3000 экз. Заказ №

"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение на продукцию № 77.99.60.953.Д.005770.05.09 от 26.05.2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП "Типография "Наука"

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-9775-0766-0

© Татарский Е. М., 2011

© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2011

Оглавление

Предисловие.....	9
Дружный класс.....	10
На перепутье.....	12
За мечтой!.....	14
У подножья Олимпа.....	16
Осваивая новый мир.....	19
Зигзаг судьбы.....	21
Моя первая экспедиция.....	23
Наша цель — Кара-Богаз-Гол!.....	26
Бороздя просторы страны... ..	28
Трудное решение.....	31
Живые легенды кино. Школа.....	34
Три дня Папанова.....	38
«Киношник» на телевидении.....	41
Первая победа. Шипы и розы.....	44
Режиссеры и драматурги.....	49
Одна из тысячи.....	54
Прыгай, трус!.....	56
Плохой хороший герой-любовник.....	60
Пуговица Хейфица.....	63
— Вы снимайтесь, мы вас озвучим!.....	66
Как Даль Чечельницкого обманул.....	69
Вдали от жен, от детей... ..	71
Во фьорды!.....	74
«Синяя птица».....	78
Две звезды.....	82
День рождения Ленина.....	84

«Золотая мина»	86
Орел.....	90
Актер — режиссер	93
Люба, Люба.....	95
Новый фильм, старая команда	99
Такой принц не нужен!	103
Автор закадрового текста.....	108
Хирург	112
Юные классики.....	117
Последняя встреча с Далем.....	120
Императрица.....	124
Наши люди в КГБ	130
Так невозможно расставаться!.....	134
Влиятельная поклонница	137
Неинтересная работа	143
На злобу дня.....	145
Выдавливая из себя раба.....	149
Актеры, актеры, актеры... ..	154
Другое время	157
Вспоминая Чаушеску... ..	160
«Пьющие кровь»	163
Итальянские друзья	167
«Я купил твою картину!».....	170
Где найти деньги на кино?	172
Немного о директоре картины.....	177
«Шалыпин задерживается в Неаполе».....	179
Режиссер для сцены с подушками	182
Отголосок прошлой любви.....	184
Время сериалов	186
Порядочный Хабенский	191
Разговор с продюсером.....	195
Как я стал народным артистом.....	199
«Весельчак Бо»	202
Инсульт	204
Хеппи-энд	210
Пожар во флигеле.....	212
Семьдесят два градуса ниже нуля	212

Золотая мина	213
Клуб самоубийц, или Приключения титулованной особы	
(Приключения принца Флоризеля)	213
Лялька-Руслан и друг его Санька	214
Без видимых причин	214
Колье Шарлотты	214
Джек Восьмеркин — «американец»	215
Презумпция невиновности	215
Пьющие кровь	216
Тюремный романс	216
Менты (Улицы разбитых фонарей): Инферно	216
Убойная сила	217
Ниро Вульф и Арчи Гудвин: Летающий пистолет.	
Тайна рокового выстрела; Воскреснуть, чтобы умереть;	
Дело в шляпе; Голос с того света; Пока я не умер.....	217

Предисловие

Первоначально я хотел назвать книгу «50 лет по пересеченной местности». Хотя точнее было бы сказать «Дорога по пересеченной местности длиной в 50 лет».

Это был довольно длинный путь... но слово «был» произносить больше не буду, потому что он и сейчас существует.

Дружный класс

Во времена моего детства место учебы определялось по месту жительства, а жил я в районе Военно-медицинской академии. Ближайшей к нашему дому была школа № 107 Выборгского района. Красивое здание, трехэтажное, с высокими потолками и громадными окнами. Фасадом оно выходило на Выборгскую улицу, а с тыла — на стадион «Красная заря».

Школа была замечательная! Как-то раз я давал интервью Людмиле Нарусовой и рассказывал о том, кто учился в этой школе:

— Братья Стругацкие окончили нашу школу, композитор Пожлаков Слава, певец Бесценный, доктор-путешественник Юрий Сенкевич, артист Георгий Тараторкин...

Я многих не назвал, только тех, чьи фамилии на слуху. Она сделала большие глаза и спросила:

— А где это было?

— На Выборгской стороне, — говорю я.

— То есть на рабочей окраине?

— Ну да, на рабочей окраине.

— Значит, царское правительство думало о детях рабочих? — удивилась она.

Раньше школа была царской гимназией. Когда я начал учиться, в ней были только мужские классы, и только потом, в 9 классе, в 1954 году у нас появились девочки.

В классе было 40 человек, но лишь у двоих были живы отцы. У остальных отцы погибли на войне, и, несмотря на это, среди нас не было наркоманов, не было алкоголиков, не было хулиганов отъявленных. Хотя, конечно же, мы были не ангелы. Но мы стремились к образованию — может быть, не столько учебники штудировать, но читать литературу, обмениваться мнениями... Хорошие ребята со мной учились!

Компания у нас была замечательная, дружная. Мы нежно относились друг к другу и в хороших отношениях закончили нашу десятилетку. А потом разбежались. Кто-то поступил в Лесотехническую академию, кто-то — в Политехнический, некоторые — в Военмех. А один стал гуманитарием, позже — министром культуры Карельской АССР. Наш общий друг, Миша, потом его спрашивал:

— Ну что, Олег, министром-то сложно?

— Ой, Миша, — отвечал ему тот, — какой там министр, знаешь, какая работа? Ко мне приходят с утра, стучат в дверь: «Олег Николаевич, гвоздей нет?» Вот тебе и министр культуры!

Вадик Иванов был абсолютно увлечен небом, звездами, телескопами. Он пошел работать шлифовальщиком на ЛОМО, когда был еще школьником. А потом участвовал в изготовлении гигантского телескопа.

А Виталий Феопентов попал в армию, на полигоны. И вернулся с этих полигонов еще совсем молодым, но уже майором. Помню, в школе он очень любил цитировать Лермонтова, у которого часто повторялось в стихах «эполеты, эполеты». И, совершенно не понимая, что это такое, он говорил: «Эполоты, эполоты». Это вызывало дикий смех в классе. Мы долго его дразнили. А он единственный из нас, кто сделал военную карьеру. К сожалению, он очень рано умер.

На перепутье

Я после школы поступил в Гидрометеорологический институт, и только потому, что меня мама просила:

— Женя, какой Театральный институт? Какое актерство, какое режиссерство? Нужна профессия! Нужна специальность! Иди в Гидрометеорологический институт. Тебе же хочется ездить, а не сидеть на месте?

Я и пошел. Как ни странно, поступил. Там была хорошо поставлена творческая самодеятельность, и в этом смысле весело было учиться. В то же время там учился очень популярный в свое время в Ленинграде певец — Вячеслав Бесценный, как-то моя жизнь странно пересеклась с ним: сначала в школе, потом в институте...

Проучившись год, я понял, что это не то. Я бросил институт и попытался поступить на актерский факультет Театрального института. И не набрал нужного количества баллов!

Экзамен сдавали в старом ТюЗе, все было как в тумане, какие-то сотни людей... Я смутно помню. Этот ужас продолжался день-два, и все. Я не был принят. До свидания, Вася! И тут приходит повестка из военкомата.

Повестка, так повестка, значит, нужно идти и служить!

Я честно отслужил в авиации противовоздушной обороны. Это был Ленинградский военный округ, и наша дивизия стояла в Эстонии. Там, на командном пункте, под

землей, в лесу я провел три года... почти три года, без 2–3 месяцев. Дело в том, что я очень хотел поступать в Театральный и, несмотря на то что экзамены начинались раньше, чем моя демобилизация, я послал в институт документы. Начальник политотдела то ли был большим поклонником театрального искусства, то ли сам учился в театральном когда-то, но он живо воспринял эту идею, и меня демобилизовали в июне 1960 года. А в том году Никита Сергеевич Хрущев сделал большое сокращение, по-советски такое сокращение: на 1 миллион 200 тысяч человек. Офицеров разбросали кого куда, некоторых, без образования, сократили, а солдат последнего года службы отпустили домой чуть раньше. Поэтому я демобилизовался в июне, а все мои друзья — в конце августа.

Но я до сих пор считаю эти годы потерянными. Нет, армия не воспитывает, ни черта она не воспитывает! Какое было воспитание, такое в лучшем случае и остается, а в худшем — потеряешь и его. Не это надо в лучшем возрасте!

За мечтой!

В 22 года после армии я вернулся домой. Жили мы тогда с мамой в большущей коммунальной квартире на улице Писарева — один кран с холодной водой на 25 человек.

Я твердо решил поступать на режиссерский. Написал экспозицию по «Иркутской истории» (драма А. Арбузова. — *Прим. ред.*). И она была принята! Следующим был экзамен по актерскому мастерству, который я тоже с успехом сдал.

Я, может быть, первый исполнитель «Баллады о королевском бутерброде». Тем летом вышла книжечка С. Маршака, в очень маленьком формате, моя тетя Тамара купила ее и прислала мне в армию в подарок. Я ее листал и вдруг увидел — «Баллада о королевском бутерброде» поэта Милна, о котором я до этого слыхом не слыхивал. Но баллада мне очень понравилась, симпатичная такая, смешная: однажды утром король проснулся и попросил масло, позвали главную молочницу, та пошла к корове и попросила молока... Я ее неплохо читал. Но учил я эту балладу в армии, очень быстро, когда уже пришел вызов. Зачем заранее учить? А на экзамене по актерскому мастерству была комиссия, в том числе Товстоногов, и вот где-то на середине я сбился, забыл текст и остановился.

— Ничего, ничего! — сказал Товстоногов. — Вы начните с этого места и продолжайте, очень интересно.

Я начал выше, опять дошел до этого места и опять остановился.

— Ну вот, жаль... очень забавно, — сказал Товстоногов.

Но экзамен я сдал и получил хорошую отметку. А буквально через месяц-полтора эту балладу стал читать Сергей Юрский. Это Товстоногов услышал ее от меня и рассказал Сергею.

Потом были этюды. Надо было придумать историю, «схватить» кого-то из поступавших и разыграть с ним свой этюд. А поступали мы вместе с Геной Опорковым и Ларисой Малеванной. Я «схватил» то ли Ларису Малеванную, то ли кого-то еще: «Сделай вот это!»

Мой этюд назывался «Расплата». Я решил этот этюд в комедийной форме. И этюд получился. Он прошел.

А потом был коллоквиум, собеседование. У меня 10 классов, потом три года армии, я ведь буквально из леса пришел и отставал от сверстников в развитии. Мне начали задавать вопросы: «А вы знаете художника Сурикова?», «Где висит его картина такая-то?» Они проверяли, был ли я там, смотрел ли картину. Я знал работы Сурикова, но, конечно, совершенно не помнил, на какой стене, в каком зале. Я на ходу придумал этюд «Боярыня Морозова»: что было до и что было после того, как художник запечатлел этот вот «стоп-кадр». Это был интересный разговор! Но... экзамены-то я сдал, а на коллоквиуме показал себя слабенько-слабенько. И не прошел. Вот тогда-то характер и закалялся!

Но что делать дальше? Я провалил экзамены в Театральный институт, что было очень обидно. Это был щелчок по самолюбию! Дважды щелчок: сначала не поступил на актерский, потом на режиссерский! Я был уверен, что чего-то стою, но кроме меня об этом никто не знает, а оказалось, что — не стою... Нужно было куда-то идти работать.

У подножья Олимпа

Работать хотелось все-таки поближе к искусству. И я пошел к своему школьному товарищу Мише, мама которого работала в обкоме работников культуры. Мы с Мишкой с четвертого класса учились вместе. Встретились на улице:

— Мишка, можешь поговорить с Ниной Ивановной?

— А ты сам приди и поговори!

Я пришел к ним. Его мама знала меня с детства. Они тоже жили на Выборгской стороне, и я у них часто бывал. Я спросил:

— Нина Ивановна, что можно придумать, я бы очень хотел работать на киностудии!

А раз киностудия — значит, «Ленфильм». Так я тогда думал.

— Хорошо, Женя, подумаем, есть один человек — председатель профкома «Леннаучфильма», я поговорю с ним.

Я тогда впервые услышал такое название: «Леннаучфильм».

Поговорила.

— Поедешь на «Леннаучфильм», спросишь Александра Ивановича Капитонова, он начальник декоративно-постановочного цеха, у него есть какая-то работа.

И я поехал туда. Нашел дом. Маленькая проходная, курятник такой, там работала Мария Михайловна:

— Позвоните по этому телефону!

Я позвонил. Александр Иванович сказал:

— Подождите!

Я жду. А это был конец рабочего дня. И мимо меня начали проходить полубоги! Только крыльев у них за спиной не было и венца на голове! Но вообще это было немыслимо — все они работали на киностудии!!!

И я каждого воспринимал, как существо божественного начала. Это было действительно так, это не художественное сравнение и я не сейчас это придумал. Именно так тогда все и было!

Когда мы пересеклись с Капитоновым, он мне сказал:

— Пойдете разнорабочим ко мне в цех. Завтра с утра придете, там будет бригадир Виктор Михайлович Шаров, он вам скажет, что делать. И одевайтесь попроще, потому что работа грязная.

А у меня «попроще» не было. Одни китайские штаны «Дружба», но они у меня были и «на выход» тоже. Поэтому на следующий день я пришел в военной форме. Я недавно демобилизовался, и у меня осталась форма. Надел гимнастерку, галифе, сапоги. Прихожу. Он на меня внимательно посмотрел:

— Пойдемте в отдел снабжения.

Работа была такая: каждое утро бригадир назначал, кому куда идти. Там было человек пять разнорабочих, назывались они «универсалы 8-го разряда». Почему восьмого? Чтобы зарплата была повыше. Зарплата: 600 рублей старыми деньгами, потом это стало 60 рублей.

Так я начал работать универсалом 8-го разряда. Первый день: сели в кузов грузовика и поехали в теперешнее Купчино, на склад у южной дороги. Там загрузили в машину бочки с химикатами, привезли их на студию, разгрузили.

На следующий день:

— Пойдешь в отдел пленки.

Надо сказать, что отдел пленки — это гораздо более мучительно, чем отдел снабжения. Тут мы перевозили пленку из цеха обработки на склад готовой продукции.

Пленка кажется легкой, когда зарядил немножко в камеру и снял. Но пленка одной оси — это 10–12 коробок, и она довольно тяжелая. Грузишь ее на маленькую тележку и со склада через весь двор тащишь, то в цех, то еще куда, и так весь день монотонно, без перерыва.

А когда работаешь в отделе снабжения, то бочки погрузил — и едешь в машине спокойно, отдыхаешь.

Осваивая новый мир

Вскоре началась картина «Планета Бурь» режиссера Павла Клушанцева. Практически вся киностудия работала на этот полнометражный фильм. Для декораций необходимо было огромное количество досок. Эти доски, вагон за вагоном, приходили на московскую Навалочную. Доски лежали ежиком, то есть они были просто набросаны, и нужно было найти ту единственную доску, которую можно было выдернуть, а выдернув, выдергивать уже остальные.

Я тогда впервые узнал, что есть 70-ка и что это означает. С той поры я отличаю 50-ку от 60-ки. Оброк был такой: две машины до обеда и две машины после. Доски мы складывали на «Леннаучфильме» и ехали дальше. Зима, ветер, холодно, противно. Но что делать?..

Всей этой работой заведовал начальник отдела снабжения, заикающийся такой человек, который особенно заикался, когда речь заходила о деньгах. Он подходил к нам:

— М-м-мужики, есть халтура!

Надо сказать, что на халтуру мы охотно соглашались, потому что зарплата 60 рублей, а нам нужно было доехать до студии, нужно пообедать. Пускай рубль, но можно было ландышей девушке купить или в «Север» с той же девушкой сходить. Ландыши тогда можно было купить на Невском: через каждые 30 метров сидела милая старушка и торговала фиалками и лан-

дышами. Халтура — всегда хорошо! Но его халтура, надо знать, что это за халтура!

— Вы п-п-привезли доски, а теперь надо их штаб-белевать!

То есть надо их разложить в штабеля. А с нами тогда работал Вася, прозванный «Вася-боцман» — весьма пожилой человек, горький пьяница, который почему-то всегда ходил в тельняшке. Вася был человек деловой:

— Сколько платишь?

— П-п-плачу хорошо, каждому на м-м-маленькую, — сильно заикаясь, сказал начальник отдела.

«Маленькая» стоила 1 рубль 57 копеек, вот такой был заработок. Боцман быстро подсчитал:

— Беремся!

Беремся, так беремся! Неделю мы аккуратно раскладывали все, что привезли. Шесть дней тогда были рабочих. За шесть дней — девять рублей. А это уже поход в ресторан!

У меня появились друзья с «Леннаучфильма». Молодые ребята, ровесники, все они учились во ВГИКе, а работали ассистентами операторов. С ними вечером можно было пойти в «Европейскую», в «Садко», взять картошку и немножко водки. Там играл замечательный оркестр, и было очень демократично. Сидеть можно было всю ночь, ресторан закрывался в 4 утра. Здесь можно было потанцевать, можно было просто поговорить, а, кроме того, сюда приходило много замечательных людей. Мне показывали:

— Ты знаешь, кто это такой?

— Нет.

— Режиссер Венгеров!

«Кортик» я уже знал, смотрел. Мой одноклассник Боря Игнатъев снялся в «Кортике», сыграл Борьку Жилу. Я долго не понимал, как это Борька играет в кино, а я — нет!

— А это Володя Шредель — режиссер!

— А вот артист Баталов!

Зигзаг судьбы

Работа чернорабочим-разнорабочим мне быстро надоела, и к лету следующего года я начал тосковать. Что дальше? Я очень хотел стать помощником режиссера «Леннаучфильма». Но меня никак не переводили в помощники. На студию приходили какие-то мальчики, какие-то девочки, их брали на работу, а мне говорили: нет мест. Мальчики и девочки были племянниками, внуками и сыновьями. Своему другу Мишке, мама которого меня пристроила на работу, я говорю:

— Мишка, больше не могу, мне надоело все это до смерти.

— Жень, ты должен терпеть, — успокаивал меня Мишка, — знаешь, Мравинский начинал с рабочего сценария, у тебя хорошее начало творческой биографии!

Миша подхихикивал, а я терпел, терпел почти до августа, то есть практически год. Но потом решил, что хватит: пойду в пароходство и попытаюсь устроиться радистом! Пойду в море! Надо сказать, что в армии я был хорошим радистом. Демобилизовался я радистом первого класса, кстати, в армии за это была надбавка за классность. Зарплата была 40 рублей, а за классность платили еще 25 рублей. А это уже эстонские сигареты «Прима» и сгущенка.

Короче говоря, я решил, что работать «универсалом» не буду. У меня было три дня отгула за переработки. Я их отгулял.

Я не пришел, как положено, к 8 утра на работу.

Я пришел к 9 часам и говорю бригадиру:

— Извините, но я хочу уйти!

— Так зачем ты пришел?

— Ну... извиниться!

— Что тебе сказать? Тебя перевели в производственный отдел. Туда и иди.

Я на крыльях понесся в этот корпус на второй этаж к начальнику производства.

— Здравствуйте!

— Значит так, Татарский, пойдете работать к режиссеру Тамаре Иолевой на картину «Коклюш» помощником режиссера.

— !!!

Так в одно мгновение моя судьба круто изменилась. Это был мой самый первый фильм в качестве помощника режиссера.

Моя первая экспедиция

Картина «Коклюш» была маленькая — одна часть или две быстро закончились. Следующий фильм назывался «Море будет жить». Мы начали работать. Режиссером был Гребнев, и картина была посвящена переброске северных вод Вычегды и Печоры через Каму и Волгу в Каспий. Каспий надо было спасти — он мелел. Коммунистическая партия решила, что спасет Каспий, и спасла... тем, что ничего не сделала!

Я побывал в тех местах, где раньше было море, были причалы и бакены, а теперь все это стояло посреди пустыни, а моря никакого не было видно. Ужас! Тогда никто не знал, что море вернется. А оно вернулось без участия КПСС и начало подтапливать, а мы снимали «Море будет жить».

Это была моя самая первая экспедиция, то, о чем мечтал. Наша съемочная команда состояла из пяти человек: режиссер, директор картины, помощник режиссера, ассистент оператора и оператор.

Экспедиция от Северного Ледовитого океана, от Нарьян-Мара вверх по Вычегде, Печоре, затем Троицко-Печорск, Усть-Вья, Усть-Ижма, Щугорское ущелье. Все это мы сначала облетели на вертолете, а после ползали по тундре, кормили бесчисленных комаров.

Потом наша съемочная команда перебросилась в Пермь и села на теплоход. И началась сладкая жизнь! Дольче вита!

Белый теплоход, на реке не качает, официанты ресторана спрашивают: «Что будете есть?» А было два или три варианта обеда. Мы к этому времени поднакопили немного денег, так как суточные были 1 рубль 50, а в Коми АССР покупать было нечего. Можно было только съесть кашу за 30 копеек или вонючего хека за 40... Это было нормально, мы не возмущались. Что желать, когда ты в тундре, в тайге? Но на пароходе деньги были, и мы могли себе позволить выбирать, что нам съесть: гуляш или еще что-либо. Сладкая жизнь! Мы плыли из Перми по Каме и по Волге с остановкой в Ульяновске. Так было положено: какая разница, какой фильм снимаешь, все равно нужно было снять домик Ильича, место, где он родился, где он жил.

Следующая большая остановка — Волгоград. Много из того, что надо было снимать, располагалось вокруг Волгограда. Другая остановка — в Астрахани. Я хорошо знал географию и представлял, что Астрахань стоит на Каспии, но оказалось, что от Астрахани до Каспия много часов езды на катере по каналам и речкам. До моря мы добрались только к ночи, хотя из Астрахани вышли утром.

Это был 1961 год. Мы шли на катере начальника Рыбпрома. Быстроходный катер под флагом командира — все рыбаки на Волге пытались встать по стойке «смирно» прямо в лодке. Мы останавливались, и шкипер говорил:

— Петя, я тут киношников везу, а ну-ка подбрось мне рыбки!

— Николаич, белорыбицы нет.

— Ты чего, не жмись, люди снимают кино!

— Ну, ты же знаешь, белорыбицу, если поймаешь в живом виде, то сразу в Кремль... я не могу.

— Давай что можешь!

— Вот, пожалуйста, тут севрюжка, судачки...

Потом мы пришли на плавбазу. На катере я проснулся ночью от жуткой качки: где потолок, где пол, я не понимал. Но на плавбазе хотелось жить вечно, потому что волны, по-видимому, небольшие, ее не трогали.

Сильное впечатление на нас произвела черная икра. Я ее не любил, потому что не видел. А тут на столе начальника Рыбпрома стояла огромная миска черной икры, а рядом лежал белый хлеб. Я робко спросил:

- Нет ли ножа?
- Зачем вам нож?
- Икру мазать.
- Мы не мажем... Вот ложка, бери и ешь!

Назад мы возвращались на так называемой рыбнице. Это буксир, к которому привязаны пять-шесть наполовину затопленных больших лодок. Лодки наполнены доверху осетром и севрюгой, немного белугой. Рыбу везли на рыбозавод, к Астрахани, и ее надо было привезти живой. А там рыбину поднимали крючками на высокую стену, оглушали колотушкой по голове, тут же вспарывали живот и вытаскивали мешок с икрой. И не дай бог, если икру зальет кровью, тогда это уже не высший сорт!

Когда я рассказал маме об этом путешествии, она заплакала. Дело в том, что мы плыли медленно, и матросы целый день готовили осетра. Они брали рыбину, отрубали ей голову и хвост, потом нарезали на громадные такие ломти, сантиметров по 20–25, и бросали в большой котел. Варили на костре или на паяльных лампах. Когда рыба была готова, они брали 10-миллиметровую фанеру, накрывали котел и выливали за борт всю юшку. Вот на этом месте мама заплакала:

- Всю юшку за борт?
- Да, мама, всю юшку за борт!

Ели только оставшиеся куски, которые вываливали на скобленную фанеру. Мы насквозь пропахли этими осетрами, а когда приехали в Астрахань, то с писком и визгом побежали в столовую есть гуляш. Несмотря на то, что нас досыта кормили рыбой, нам очень хотелось съесть гуляш с макаронами!

Наша цель — Кара Богаз Гол!

Затем мы полетели в Гурьев. Там мы ничего не нашли, кроме совершенно дикого количества мух, которые облепляли все. Снимать было невозможно. Мы рванули на самолете дальше, в Красноводск. Из Красноводска на машине ГАЗ-66 на Кара-Богаз-Гол!

Водитель спросил, есть ли у нас вода. Нет? Тогда надо идти в магазин и купить арбузы. Пошел я, как самый молодой, но никаких арбузов не нашел. Возвращаюсь, говорю:

— Никаких арбузов там нет!

— Как нет?

— Нет. Я был в магазине. А их там нет.

— Ну, пойдем вместе.

Пришли в магазин:

— А это что?

— А я думал, что это кабачки!

Оказалось, что это были туркменские арбузы, просто они очень длинные. Зато их было очень удобно резать — как колбасу, раз-раз, и все. Это нас спасло от жажды, но не от голода. Еды не было. Мы были абсолютно не готовы к такому путешествию.

Для того чтобы попасть на Кара-Богаз-Гол на вездеходе ГАЗ-66, мы потратили весь день. Но путешествие оказалось потрясающим. Дорога была трудной: когда едешь по рыхлому песку, колеса машины прокручиваются, и только

когда цепляются за колючку на бархане, то, присев, можно видеть, как они чуть-чуть, по сантиметру, продвигают машину вперед. Из-за таких участков целый день и ушел.

А потом мы ехали по твердому мокрому песку, там, где раньше было море, а теперь ушло. Тогда я впервые увидел, что такое мираж. Сидя в кузове вездехода спиной к движению, ты вдруг замечаешь, что следы машины упираются в море. Это производило огромное впечатление, вплоть до истерики одного из наших коллег. Ассистент оператора кричал:

— Это море! Море!

— Валера, мы только что там проехали, что ты говоришь?

— Это море, море! Ты видишь, это волны!

В действительности это выглядело так: на фоне неба потоки раскаленного воздуха. Миражи были потрясающие!

На Кара-Богаз-Голе нас спасли геологи, у которых были хлеб и консервы, и мы немного перекусили.

Зрелище там было безумно красивое: вода из Каспия с ревом прорывалась через узкий пролив в Кара-Богаз-Гол, перепад был такой, что, обрываясь, вода превращалась в пену, и пена эта была с двух- или трехэтажный дом. А тишина!.. Если прислушаться, то можно было услышать, как с шипением оседает белоснежная пена... Под водой, под сильным течением развевались длинные водоросли всех цветов радуги: красные, зеленые, синие, желтые. Все они были потрясающего цвета и, переплетаясь, переливались в сверкающей воде! Сумасшедшее зрелище.

Мы переночевали в кузове, а на следующий день вернулись назад.

Бороздя просторы страны...

Был еще фильм «Идет наступление». Это о победах сельского хозяйства. Нужно было снять всех, кто получил звание Героя Социалистического Труда от Никиты Сергеевича Хрущева — свекловод Светличный из Кировоградской области, целая плеяда хлопкоробов из Узбекистана, Валентин Тюбко — украинец, Джавад Кучиев — азербайджанец, Турсунной Ахунова — узбечка.

Когда мы снимали в Узбекистане, это были каждодневные поездки в Голодную степь, в район Янгиера.

Передовиков в то время снимали так часто, что они уже знали все тонкости съемки, у них было все отрепетировано. Поэтому, когда мы приехали к Тюбко, то сначала он долго отказывался, но потом сказал, скривившись:

— Хорошо, только сначала пообедаем!

— Ну давай, пообедаем!

Пришли к нему домой, пообедали с местным вином. Оператор развеселился, поставил камеру:

— Ну давай, Валентин, снимем!

А Валентин говорит:

— Солнце у нас где? Отсюда бери общий план, отсюда средний, а здесь ставь крупный!!!

Хохотали мы жутко. Он был уже почти профессионал, только выпивший. Позже, когда мы снимали крупный

план, у нас на камере «Родина» стояла длиннофокусная оптика. Оператор смотрел в объектив и кричал:

— Ближе! Ближе!

Тюбко и ехал. Пока не раздался треск! Штатив был сломан!

Дело в том, что хлопкоуборочный комбайн имел большой вынос, и Тюбко сидел довольно далеко от камеры, вот и задел штатив колесом.

Ленкорань находится на границе с Ираном, это пограничная зона с пропусками. В Ленкорани прямо в центре города стояла вышка для купания, потому что море давно ушло. Это было действительно печальное зрелище.

Когда мы приехали в Ленкорань, уже была поздняя осень, шел очень сильный дождь — начался субтропический сезон дождей. Мы спросили у местного населения:

— Как долго будет идти дождь?

— Месяц-полтора.

Мы не могли так долго ждать, поэтому сели в поезд и вернулись в Ленинград.

А вскоре была пара картин про военные дела. Было трогательно и смешно, когда адмирал военно-морских сил приказал поехать в Севастополь и снять корабли проекта 47 БИС, а командующий этой эскадрой сказал: «Нет, не дам». Командующим был капитан первого ранга Михайлин.

Наша депеша пошла в Москву. Мы сидим в Севастополе, ждем, ходим на пляж. Приходит депеша из Москвы: «Дать!» А командующий: «Не дам!» Новая депеша идет в Москву. А это 2–3 дня, потом 2–3 дня депеша идет обратно из Москвы. Мы каждый день ходим в штаб в Севастополе. И так продолжается две недели. Наконец нам говорят, что надо ехать на Дальний Восток, так как там тоже есть такие корабли. Но режиссер наотрез отказался от этого, там выпадали разные радиоактивные осадки.

Я проработал помощником режиссера на «Леннаучфильме» с 1961 по начало 1964 года. Я в то время

был единственным помощником режиссера мужского пола, к тому же холостой, не связанный детьми, поэтому и работал на всех картинах с длинными командировками.

Это было очень интересно. Никогда в жизни без «Леннаучфильма» я не побывал бы там, где побывал. Я объездил весь Советский Союз, от Северного Ледовитого океана до границы с Ираном.

Трудное решение

Работая на «Леннаучфильме», я учился. Я поступил на единственное заочное отделение, имеющее отношение к театру и к массовым зрелищам: в институт культуры, на факультет культурно-просветительской работы, отделение «режиссер самодеятельных театров». Я понимал, что нужна хоть какая-то «бумага», иначе хода не будет.

К этому времени кое-кто из моих леннаучфильмовских друзей перешел работать на киностудию «Ленфильм» и среди этих «кое-кого» был художник Женя Гуков. Он сказал:

— Что ты здесь делаешь? Давай к нам на «Ленфильм»!

«К нам на „Ленфильм“», — легко сказать. А как? У меня тогда на «Леннаучфильме» была большая картина о гражданской обороне. Мы снимали под Харьковом и в Калининграде. Но к тому времени я окончательно созрел: надо переходить на «Ленфильм».

Женя Гуков работал у Козинцева на «Гамлете» художником-декоратором. Он пригласил меня на съемку, и там я увидел Козинцева, Смоктуновского, Настю Вертинскую... Это был другой мир! Мне хотелось перейти на «Ленфильм»!.. Когда «Гамлет» закончился и Женя стал работать на картине «Авария», оказалось, что им нужен помощник режиссера — толковый молодой мужчина.